

Наследник. Брак по принуждению



18+

АЛЕКСАНДР КОЛЮЧИЙ

Александр (Колючий)

Наследник. Брак по принуждению

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

Наследник. Брак по принуждению / А. Л. (Колючий) — «Автор», 2026

стираю твои долги. — А если я откажусь? — мой голос дрожит, но я до боли впиваюсь ногтями в ладони, чтобы не показать ему свой страх. Руслан Волков делает шаг ко мне, вминая в стену своей пугающей аурой. От него пахнет дорогим парфюмом и опасностью. — Тогда завтра твою сестру переведут в приют, а ты отправишься за решетку по делу, которое я сам на тебя заведу. Выбирай. Два месяца назад я была счастливой дочерью богатого отца. Сегодня я — никто. Мой отец мертв, счета арестованы, а единственный человек, способный спасти мою маленькую сестру — это Руслан Волков. Холодный, безжалостный монстр, которого я виню в нашем крахе. Он купил мою свободу, чтобы пополнить свою империю. Но он еще не знает: я не стану его послушной куклой. Даже если мое предательское сердце начинает биться чаще при каждом его прикосновении.

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр (Колючий)

Наследник. Брак по принуждению

Глава 1

Ритмичный, монотонный писк кардиомонитора — единственный звук в этом стерильном аду, который держит меня на самом краю зияющей пропасти. Зеленая ломаная линия на черном экране отмеряет удары сердца моей сестры, доказывая, что она все еще борется. Соня лежит на больничной койке, такая крошечная, бледная, почти прозрачная на фоне белоснежных больничных простыней. Ей всего десять лет, но сейчас, опутанная проводами и прозрачными трубками капельниц, она кажется совсем невесомой, словно готовой раствориться в воздухе от любого моего неосторожного вздоха.

Я боюсь даже моргать.

Я сижу на жестком пластиковом стуле, крепко сжимая ее тонкую, ледяную ладошку двумя руками. Отчаянно пытаюсь передать ей хотя бы каплю своего тепла, которого во мне самой почти не осталось.

Спина ноет от чудовищной усталости.

Страх стал моим постоянным, липким спутником в этот проклятый последний месяц. С того самого дня, как отцовский бизнес рухнул в одночасье, а сам он погиб при тех самых странных обстоятельствах, о которых так сухо и равнодушно сообщил мне следователь. В ту секунду моя жизнь беспечной студентки закончилась, и началось жестокое выживание на руинах, где каждый новый день приносит лишь свежую порцию боли и новые угрозы от кредиторов.

Внезапно оглушительный грохот разрывает тишину палаты.

Дверь распахивается с такой дикой силой, что металлическая ручка с противным лязгом впечатывается в окрашенную стену. Я вздрагиваю всем телом, инстинктивно роняя руку Сони, и резко вскакиваю со стула.

Ноги мгновенно становятся ватными.

К горлу подступает горький, удушливый ком паники. В палату тяжелым, уверенным шагом входят двое мужчин. Их здесь категорически не должно быть. Это отделение реанимации, сюда пускают только по специальным пропускам, но этим двоим плевать на любые правила и замки. От них отвратительно вон сыростью осенней улицы, дорогой кожей и явной, ничем не прикрытой угрозой.

Люди Артура Завьялова.

Я узнаю эту породу сразу, инстинктивно считывая их звериную, расслабленную наглость. Один из них, бритый наголо, с массивной квадратной челюстью и потухшим, совершенно мертвым взглядом, даже не смотрит в мою сторону. Он направляется напрямик к кровати моей сестры, оставляя грязные следы на безупречно чистом линолеуме.

Я слежу за каждым его шагом.

Внутри меня все сжимается в тугую, болезненный узел. Липкий, ледяной ужас заползает прямо под кожу, парализуя нервные окончания и лишая способности мыслить рационально. Мужчина останавливается у аппарата жизнеобеспечения, его огромная фигура нависает над хрупким телом Сони, как черная туча.

Его волосатая рука тянется к оборудованию.

— Что вы делаете? — мой голос предательски дрожит, звучит жалко и надломленно.

Мужчина не обращает на мои слова ни малейшего внимания. Его толстые пальцы медленно, почти лениво ложатся на толстый черный шнур питания. Тот самый шнур, который

уходит в розетку и питает машину, непрерывно качающую кислород в легкие моей маленькой сестры.

– Твой папаша крупно задолжал Артуру Эдуардовичу, куколка, – произносит бритый. Его голос звучит как скрежет ржавого металла по стеклу, низкий и вибрирующий откровенной угрозой. – Месяц прошел. Время вышло. Завьялов не благотворительный фонд.

– У меня ничего нет! – кричу я, отступая на полшага, чувствуя, как невидимая удавка сжимается на моей шее. – Вы забрали все! Счета арестованы!

Бритый ухмыляется, обнажая неровные, прокуренные зубы. Эта улыбка не предвещает ничего, кроме абсолютного кошмара. Его пальцы еще крепче сжимают черный провод. Одно движение. Всего один резкий рывок, и экран погаснет.

Пульс бьет в висках набатом.

– Значит, найдешь, – бросает он с абсолютным, леденящим кровь равнодушием. – Иначе эта гудящая коробка заткнется навсегда. Я просто выдерну вилку, и твоя мелкая тихо отойдет. Врачи спишут на сбой в сети.

Этот человек не шутит.

Осознание обрушивается на меня безжалостной лавиной. Мой воспаленный мозг фиксирует картину с пугающей, кристальной четкостью: его напряженная рука, натянутый шнур, мертвенно-бледное лицо Сони. Если он потянет на себя эту резиновую змею, моя сестра просто перестанет дышать. Мой единственный родной человек умрет на моих глазах.

Животный инстинкт самосохранения отключается мгновенно.

На его место приходит слепая, первобытная ярость и отчаянное, иррациональное желание защитить свое любой ценой. Я не думаю о последствиях. Не думаю о том, что он весит в два раза больше меня и может переломать мне кости одним ударом. Я просто действую.

Я срываюсь с места.

– Не смей ее трогать! – дикий вопль вырывается из моей груди хриплым, сорванным рыданием, обжигая связки.

Мои руки с размаху врезаются в его широкую грудь, обтянутую жесткой кожаной курткой. Я отчаянно, изо всех оставшихся сил отталкиваю его от аппарата. Пальцы скользят по гладкой поверхности его одежды. Удушливый запах чужого пота и терпкого, дешевого парфюма бьет в нос, вызывая болезненный спазм в пустом желудке. Отвращение смешивается с парализующим ужасом.

Я вклиниваюсь между ним и прибором.

Раскинув руки в стороны, я закрываю собой мигающие датчики и спасительный шнур, превращаясь в живой щит. Моя спина вжимается в холодный металл медицинской стойки. Я тяжело дышу, грудная клетка ходит ходуном, а сердце бьется так бешено, словно готово проломить ребра и вырваться наружу.

– Убирайтесь в ад! – шиплю я, глядя прямо в его бесцветные, жестокие глаза. – Я найду ваши проклятые деньги!

Лицо бандита мгновенно искажается от первобытной злости.

Наглое веселье исчезает без следа, уступая место холодной, расчетливой жестокости уличного пса. Ему не понравилось мое сопротивление. Ему не понравилось, что какая-то сопливая девчонка посмела поднять на него голос и встать у него на пути. Он делает резкий, неуправляемый выпад.

Жесткие пальцы мертвой хваткой впиваются в мое предплечье.

Острая боль пронзает мышцы, заставляя меня глухо вскрикнуть. Мужчина с пугающей легкостью, словно я ничего не вешу, отрывает меня от аппарата. В его глазах вспыхивает садистское удовольствие, когда он с силой швыряет меня в сторону.

Полет длится ничтожные доли секунды.

Моя спина с чудовищным размахом врежется в стену, покрытую холодным, твердым кафелем. Воздух со свистом выбивает из легких. Острая, пронзительная боль вспыхивает между лопаток и оглушительно отдается в затылке. Я беспомощно сползаю по гладкой стене на пол, инстинктивно сжимаясь в комок.

Я судорожно хватаю ртом воздух.

Перед глазами пляшут черные мушки, а во рту появляется отчетливый металлический привкус крови. Второй бандит, который до этого молча стоял у двери, преграждая выход, лениво достает из кармана зажигалку и начинает раздражающе щелкать ею. Звук бьет по моим натянутым нервам, как удары молотка.

Бритый тяжело нависает надо мной.

– Значит так, Скворцова, – цедит он сквозь зубы, брезгливо разглядывая меня сверху вниз. – Артур Эдуардович дает тебе сутки. Ровно двадцать четыре часа, чтобы вернуть два миллиона. Иначе мы вернемся. И поверь, то, что мы сделаем с тобой и твоей сестрой, тебе очень не понравится.

Они выходят из палаты, даже не прикрыв за собой дверь.

В палате снова воцаряется звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным, равнодушным пискom кардиомонитора. Соня продолжает спать под действием седативных, не ведая, что только что смерть дышала ей прямо в лицо. А я остаюсь сидеть на ледяном полу, прижимая дрожащие колени к груди.

Полное, сокрушительное поражение.

Удушающая безысходность наваливается сверху невидимой бетонной плитой, расплющивая меня, лишая последней воли к сопротивлению. Два миллиона долларов. Сутки. Где студентка может взять такие деньги? Ответ бьется в голове птицей, попавшей в силки: нигде. У меня больше нет друзей. Нет союзников. Я абсолютно одна в этом жестоком городе, который с удовольствием пережевывает таких, как я.

Слезы отчаяния жгут глаза.

Но я грубо стираю их тыльной стороной дрожащей ладони. Плакать нельзя. Слезы не спасут Соню. Если я останусь здесь и буду жалеть себя, они вернуться и убьют ее. Я должна найти того, кто сильнее Завьялова. Того, кто сможет вырвать нас из этого кошмара.

Я с трудом поднимаюсь на ноги.

Бросаю последний, полный болезненной нежности взгляд на сестру, обещая ей безмолвно, что вернусь. В дикой панике я выбегаю из палаты. Я мчусь по длинным, ослепительно белым коридорам больницы, не разбирая дороги. Толкаю тяжелые стеклянные двери главного входа и вырываюсь на улицу, прямо в холодный, пронизывающий осенний ливень, готовая броситься в объятия самого дьявола, лишь бы спасти ее.

Глава 2

Ледяной осенний ливень обрушивается на меня с яростью дикого зверя, стоит только вырваться за тяжелые стеклянные двери больницы. В лицо летят жесткие, хлесткие капли, мгновенно ослепляя и забивая дыхание.

Холод пронзает до самых костей.

На мне только тонкий, давно растянутый шерстяной свитер и старые тканевые кеды, которые промокают в первую же секунду, громко чавкая по грязным лужам больничного двора. Я физически ощущаю свою ничтожность и уязвимость перед этим городом. Мокрое полотно свитера прилипает к ледяной коже, но я даже не пытаюсь закрыться от пронизывающего ветра.

Я судорожно, непослушными от мороза пальцами листаю контакты в разбитом телефоне.

Экран предательски мерцает, заливаемый потоками воды, пока я ищу хоть одно имя, способное стать спасением. Вчерашние друзья, обеспеченные однокурсники, деловые партнеры отца — все они испарились, словно их никогда не существовало, стоило только нашему семейному счету обнулиться. Я нажимаю на контакт лучшей подруги, поднося ледяной кусок пластика к уху, отчаянно вслушиваясь в длинные гудки.

— Да? — раздается недовольный, слегка сонный голос Маши.

— Машка, умоляю, это Алиса! — кричу я в трубку, надрывая связки, чтобы перекрыть монотонный шум ливня. — Мне срочно нужна помощь, Соне угрожают убийством прямо в реанимации!

— Алиса, я же просила больше мне не звонить, — ее тон мгновенно становится ледяным, отрезая мою последнюю надежду. — Мой отец запретил с тобой общаться. У тебя проблемы с очень плохими людьми, мы не хотим быть втянутыми. Прости и прощай.

Короткие гудки бьют по барабанным перепонкам жестоким набатом.

Она сбрасывает вызов. Я стою посреди пустой, темной улицы, совершенно одна, прижимая бесполезный, потухший телефон к груди. Внутри меня разрастается черная, всепоглощающая пустота, вытесняя даже остатки страха. Мне совершенно некуда идти и не к кому больше обратиться. Мы с сестрой оказались выброшены на обочину жизни.

Внезапно темноту улицы разрывает оглушительный визг тормозов.

Из-за крутого поворота, поднимая высокие фонтаны грязной воды из луж, вылетают два огромных черных «Гелендвагена». Наглухо тонированные, тяжелые и зловещие, они похожи на два стальных гроба на колесах. Машины резко, с агрессивным скрипом шин по мокрому асфальту, тормозят прямо передо мной, наглухо блокируя любой путь к отступлению.

Сердце ухает куда-то в пустой желудок.

Ядовито-желтый свет мощных галогеновых фар бьет мне прямо по глазам, безжалостно ослепляя. Я инстинктивно вскидываю дрожащие руки к лицу, пытаюсь защититься от этого агрессивного вторжения. Во рту моментально пересыхает, несмотря на потоки воды, заливающие лицо.

— Нет, нет, только не это... — шепчу я побелевшими, трясущимися губами.

Животный, парализующий ужас заползает прямо под кожу липкими щупальцами. Мой воспаленный мозг моментально рисует самую страшную картину из всех возможных. Это люди Завьялова. Они передумали. Они не дадут мне никаких обещанных суток на поиск денег. Они приехали забрать меня прямо сейчас, чтобы бросить в какой-нибудь грязный подвал.

Я чувствую, как мои колени подкашиваются.

— Оставьте меня в покое! — в отчаянии кричу я в слепящую пустоту света, и мой голос срывается на жалкий, сорванный хрип. — У меня ничего нет! Я все отдам, просто дайте мне время!

Никто не отвечает на мои крики.

Из первой машины, словно сошедший с экрана криминального триллера, медленно и неотвратно выходит человек. Огромный, невероятно широкий в плечах мужчина в черном тактическом костюме, который совершенно не скрывает гору литых, натренированных мышц. Настоящий шкаф смерти.

Свет фар на мгновение выхватывает его суровое лицо, и я едва сдерживаю истеричный вскрик. Через всю его правую щеку, от виска до подбородка, тянется жуткий, уродливый шрам, искажающий черты. Он не произносит ни единого слова. Его движения пугающе плавные и экономные для таких габаритов.

Вся его фигура источает абсолютную, несокрушимую угрозу.

Я понимаю, что если останусь стоять на месте — мне конец. Этот человек сломает меня пополам одним движением. Паника толкает меня на безрассудство.

– Не подходи ко мне! – визжу я, резко разворачиваясь на скользких подошвах кед.

Я бросаюсь в сторону, отчаянно надеясь проскользнуть между массивным бампером внедорожника и мокрой бетонной клумбой, чтобы сбежать в спасительную темноту узкого переулка. Но мои жалкие попытки выжить обречены на провал с самой первой миллисекунды.

Он делает всего один короткий шаг.

Мужчина перехватывает меня за локоть с такой пугающей легкостью, словно я ничего не весящий дворовый котенок. Захват жесткий, стальной, но удивительно — он не причиняет мне физической боли. Он просто лишает меня любой, даже минимальной возможности двигаться. Я бью его свободной рукой по груди, но это все равно что колотить кулаками по монолитной бетонной стене.

– Пусти меня, ублюдок! – прошипела я, дико извиваясь в его железной хватке.

– Тихо, девочка, – басит он глухим, рокоющим голосом, который вибрирует в груди. Он жестко, но без лишней жестокости разворачивает меня к задней двери машины. – Не дергайся. Тебя ждут.

Задняя дверь внедорожника плавно отъезжает в сторону.

Из густого полумрака салона, отделанного безупречной, дорогой черной кожей, на меня обрушивается волна сухого, комфортного жара. Но этот жар не согревает мое промерзшее тело, он обжигает изнутри. В нос ударяет терпкий, тяжелый и до боли властный мужской запах — глубокие ноты сандала и агрессивная резкость черного перца.

Этот аромат проникает в самое сознание.

Он подавляет волю, заставляя мелкие волоски на моих замерзших руках встать дыбом. В непроглядной тени роскошного салона внезапно вспыхивают глаза.

Ледяные. Стальные. Безжалостные.

Мое прерывистое дыхание со свистом вырывается из груди, обжигая горло. Я узнаю этот взгляд из тысячи. Узнаю этот хищный, высокомерный наклон головы и идеальную, жесткую линию челюсти, которую так часто видела на страницах фортб и в кошмарах своего отца.

– Ты... – выдыхаю я, чувствуя, как земля окончательно уходит из-под ног.

Руслан Волков.

Глава самого жестокого криминального синдиката в столице. Новый патриарх огромного клана. Человек, имя которого бояться произносить вслух даже такие отморозки, как Завьялов. Человек, которого я считаю главным и единственным виновником краха моей семьи. Тот самый расчетливый монстр, из-за чьих грязных интриг мой отец потерял бизнес, влез в долги, а затем и лишился собственной жизни.

И сейчас этот дьявол во плоти сидит передо мной.

Он вальяжно откинулся на спинку кожаного сиденья, совершенно спокойно наблюдая за моей бьющейся в истерике фигурой. В его глазах нет ни капли сочувствия, лишь холодный, препарирующий расчет.

– Здравствуй, Алиса, – произносит он.

Его голос — темный бархат, скрывающий острые бритвенные лезвия.

– Какого черта тебе от меня нужно?! – выплевываю я слова вместе с дождевой водой, заливающей лицо, не в силах сдержать жгучую ненависть. – Вы уже все забрали! Мой отец мертв из-за тебя!

Я начинаю отчаянно вырываться из рук молчаливого гиганта.

Инстинктивно я подаюсь назад, прочь от зияющей пасти черного автомобиля, от этого запаха сандала и подавляющей ауры чудовища. Паника захлестывает меня с головой, превращаясь в слепую, неконтролируемую истерику.

– Я лучше сдохну прямо здесь, на этом грязном асфальте, чем сяду к тебе в машину! – кричу я в салон, глядя прямо в эти нечеловеческие, пустые глаза Волкова. – Ненавижу тебя!

Из густой темноты машины резко высовывается рука.

Словно бросок смертоносной кобры. Мой расширенный от ужаса взгляд цепляется за его крупные костяшки — они сбиты в кровь, покрыты свежими, багровыми ссадинами, которые жутко контрастируют с безупречной белизной манжеты дорогой шелковой рубашки. Кого он сегодня избивал этими руками?

Руслан перехватывает мое тонкое, дрожащее запястье.

Моя рука кажется хрупкой, сухой веточкой в его огромной, горячей ладони. Контраст наших размеров настолько чудовищен, что я замираю от физического осознания его абсолютной, доминирующей власти надо мной.

Он тянет меня на себя.

Рывок настолько мощный и безапелляционный, что мои кеды скользят по асфальту. Я влетаю в салон, с тихим вскриком падая на мягкое кожаное сиденье. Я тяжело дышу, грудная клетка ходит ходуном, а тело содрогается от первобытного ужаса. Дверь за моей спиной немедленно захлопывается с глухим, дорогим щелчком, навсегда отрезая шум спасительного дождя.

– Не смей прикасаться ко мне! – я вжимаюсь в противоположную дверь.

Мои непослушные пальцы отчаянно пытаются нащупать гладкую ручку, чтобы открыть замок и выброситься наружу, прямо на ходу, если потребуется.

Руслан не двигается с места.

Он даже не пытается меня удержать или схватить снова. Он просто смотрит на меня своим тяжелым, подавляющим взглядом хищника, загнавшего добычу в угол. В замкнутом, наглухо тонированном пространстве машины его мужская аура ощущается почти осязаемо. Она давит на мои хрупкие плечи, безжалостно выбивая последние крохи кислорода из легких. Он медленно, с ленивой грацией хищника склоняет голову набок.

– Садись ровно, Сквицова, и слушай меня очень внимательно, – его низкий, пугающе спокойный голос легко разрезает звенящую тишину салона. – Или аппараты жизнеобеспечения твоей сестры отключат ровно через десять минут.

Мое сердце сбивается с ритма, пропуская болезненный удар.

– Что?.. – одними онемевшими губами шепчу я, не веря своим ушам, чувствуя, как мир вокруг начинает вращаться. – Вы... вы не посмеете... она же ребенок...

– Долги твоего покойного отца теперь полностью принадлежат мне, – Руслан подается немного вперед, выходя из тени.

Теперь я могу в деталях разглядеть каждую черточку его холодного, скульптурно-идеального лица. В нем нет ни капли жалости. Только чистый, ледяной прагматизм.

– Ты прямо сейчас подписываешь контракт на фиктивный брак со мной, – продолжает он, чеканя каждое слово, словно вколачивая гвозди в крышку моего гроба. – Или я открываю эту дверь и выставляю тебя обратно под дождь, прямиком к твоим кредиторам.

Его глаза вспыхивают темным, опасным огнем.

– И поверь мне, Алиса. Если ты откажешься, рубильник в палате выключит не Завьялов. Это сделаю я.

Воздух в моих легких мгновенно превращается в толченное стекло.

Я смотрю в его стальные глаза, не в силах отвести взгляд, и чудовищное осознание обрушивается на меня смертоносной лавиной, уничтожая последние крохи надежды на спасение. Мой внутренний голос кричит от ужаса и горькой, ядовитой иронии.

Этот жестокий человек.

Этот расчетливый монстр, уничтоживший мою семью.

Глава 3

Я сижу во главе огромного стеклянного стола, идеально гладкая поверхность которого отражает свинцовое, тяжелое московское небо за широкими панорамными окнами. Мой сшитый на заказ темный костюм ощущается как вторая кожа, как безупречная, непробиваемая броня, за которой я привык надежно прятать любые свои эмоции. В огромном зале заседаний царит гробовая, удушливая тишина, нарушаемая лишь сухим, монотонным шелестом плотной бумаги. Семейный нотариус, потеющий, бледный и явно нервничающий в моем присутствии, зачитывает последнюю волю моего отца, внезапно погибшего в автокатастрофе месяц назад. Каждое его слово падает в напряженный, наэлектризованный воздух тяжелым камнем, но мое лицо остается абсолютно непроницаемым, словно высеченным из цельного куска арктического льда.

Голос нотариуса предательски дрожит, когда он наконец доходит до главного пункта завещания. Того самого абсурдного, безумного условия, которое отделяет меня от немедленного вступления в законные права наследства и получения полного контрольного пакета акций нашего синдиката.

— '...основной пакет голосующих акций переходит под единоличное управление Руслана Викторовича Волкова при неукоснительном соблюдении следующего условия...' — нотариус нервно сглатывает, судорожно поправляя съехавшие на потный нос тонкие очки. — '...при условии его вступления в официальный, зарегистрированный брак в течение тридцати календарных дней с момента официального оглашения данного документа'.

Я медленно, контролируемо вдыхаю холодный, кондиционированный воздух переговорной. Тридцать дней. Брак должен быть не просто штампом в паспорте или фиктивной бумажкой в сейфе. Он должен быть абсолютно безупречным для алчной прессы, идеальной, глянцевой картинкой для наших иностранных инвесторов и партнеров.

Старик решил поиграть со мной даже из могилы.

Даже после своей внезапной смерти отец умудряется дергать за невидимые ниточки, пытаюсь контролировать мою жизнь и навязывать свои правила. Он всегда считал меня слишком жестоким, слишком холодным, слишком оторванным от пресловутых 'семейных ценностей', на которых строилась старая империя. И теперь он решил привязать меня к совершенно чужому человеку брачным контрактом. Я физически чувствую на себе десятки цепких, выжидающих взглядов членов совета директоров. Они затаили дыхание. Они ждут моей реакции. Ждут внезапной вспышки неконтролируемого гнева, ярости, потери моего знаменитого самообладания. Но я не доставлю этим стервятникам такого удовольствия.

Я — абсолютный монолит.

На противоположном конце длинного стола вальяжно, с показной расслабленностью откидывается в дорогом кожаном кресле Артур Завьялов. Мой главный конкурент. Влиятельный член совета. Тот самый человек, чьи грязные, непомерные амбиции я легко читаю в каждом нервном движении его холеных рук. Тот самый ублюдок, который, как я подозреваю, и подстроил ту аварию.

Завьялов медленно растягивает тонкие, бескровные губы в снисходительной, откровенно стервятничьей улыбке. Он чувствует фантомный запах крови в воде. Он искренне уверен, что этот безумный пункт завещания — мой окончательный приговор и его личный триумф. Артур слишком хорошо знает мою репутацию в этом городе: жесткий, абсолютно закрытый бизнесмен, не терпящий никаких компромиссов, слабостей и сентиментальной чепухи. В моем упорядоченном мире нет, и никогда не было места для женщин, кроме как на одну короткую, ничего не значащую ночь. Завьялов думает, что он наконец-то загнал меня в глухой угол.

Слишком наивный, предсказуемый идиот.

– Какая злая ирония судьбы, Руслан, – голос Завьялова звучит вкрадчиво, с показным, тошнотворным сочувствием, за которым скрывается смертельный яд. – Всего тридцать дней на поиски верной и любящей жены.

Он демонстративно поправляет золотые запонки на своих дорогих часах, принципиально не глядя на меня, словно уже открыто празднует свою безоговорочную победу. В его блеклых глазах пляшут торжествующие, злые искры.

– Будем реалистами, господа, – продолжает Артур, медленно обводя взглядом притихший, настороженный совет директоров, который ловит каждое его слово. – Ни одна уважающая себя девушка из высшего общества, из нужной нам семьи, никогда не согласится на такой подозрительный, скоропалительный брак. Тем более с тобой, Руслан. С твоей... скажем так, весьма специфической и пугающей репутацией. А это значит, что контрольные акции, согласно уставу нашей компании, перейдут под временное управление Совета.

Под его личное управление.

Мой внутренний монолог предельно спокоен и холоден. Я смотрю на Завьялова сквозь призму абсолютного равнодушия. Я хладнокровно разбираю его жалкие амбиции на атомы, просчитывая каждый его следующий шаг, как предсказуемое, примитивное поведение насекомого под стеклом микроскопа. Внутри моей груди нет ни единой капли гнева или возмущения. Гнев – это опасная слабость. Это непозволительная роскошь в моем безжалостном бизнесе, которая приводит к фатальным ошибкам. В моем разуме сейчас лишь чистый, кристальный, математический анализ текущей угрозы.

Большой палец моей правой руки привычно ложится на тяжелую, массивную золотую печать с древним гербом нашего клана. Мой личный сенсорный маркер.

Я медленно, с легким нажимом прокручиваю холодное кольцо на пальце. Один плавный оборот. Второй. Третий.

Тихий щелчок в сознании, отсекающий лишний шум.

Тяжелый металл приятно холодит кожу, помогая моментально сфокусировать разрозненные мысли в одну острую, смертоносную, отравленную иглу. Завьялов слишком рано радуется. Он мерит меня по своим жалким, мещанским стандартам. Он всерьез думает, что я буду искать себе равную. Что я буду долго ухаживать, унижаться, договариваться с влиятельными столичными семьями, тратить свое драгоценное время на фальшивые, пластиковые улыбки и бессмысленные светские рауты. Он фатально не понимает одного простого факта: я не собираюсь играть по правилам их лицемерного высшего общества. Я никогда не прошу.

Я просто куплю то, что мне сейчас нужно.

Я резко прекращаю вращать печать. Моя рука тяжело, неподвижно ложится на темное стекло стола. В огромном зале заседаний мгновенно повисает тяжелая, звенящая, почти осязаемая тишина. Все взгляды снова устремляются на меня.

– Ты закончил свое выступление, Артур? – мой голос звучит очень ровно, пугающе тихо, почти на грани шепота.

Я не повышаю тон ни на полтона, не делаю резких движений, но от этого ледяного, могильного спокойствия у присутствующих директоров леденеют спины. Некоторые из них инстинктивно, словно испуганные мыши, вжимаются в спинки своих дорогих кожаных кресел, пытаясь стать незаметными.

– Я лишь констатирую очевидные юридические факты, Руслан, – самодовольная ухмылка Завьялова слегка меркнет, натываясь на мой прямой, немигающий, мертвый взгляд. – Никто не выйдет за тебя за один короткий месяц. Смирись с этим.

– Твои факты безнадежно устарели, Завьялов, – чеканю я каждое слово, глядя прямо в его внезапно забегающие, неуверенные глаза. – Невеста уже найдена.

Шах и мат.

Лицо Завьялова мгновенно вытягивается. Самодовольная, хищная улыбка навсегда стирается с его губ, уступая место искренней растерянности и плохо скрываемой, жгучей злобе. Он судорожно открывает рот, чтобы что-то возразить, чтобы потребовать доказательств, но я резким, рубящим жестом руки обрываю его на полуслове.

– Заседание совета официально окончено, – бросаю я в пространство притихшего зала, медленно поднимаясь со своего места во главе стола. Моя фигура нависает над ними. – Все свободны. Подготовка брачных документов и пресс-релизов начнется завтра утром.

Я молча, скрестив руки на груди, наблюдаю, как люди Завьялова и остальные директора поспешно, суетливо собирают свои бумаги, ручки и дипломаты. Они торопятся покинуть переговорную, сталкиваясь в дверях, словно крысы, бегущие с тонущего корабля. Они физически не выдерживают мою тяжелую, подавляющую, темную ауру. Артур уходит самым последним. У дверей он оборачивается и бросает на меня долгий, полный жгучей, неприкрытой ненависти взгляд. Но он молчит. Ему нечем крыть. Тяжелые дубовые двери за ним закрываются с глухим, окончательным щелчком.

Огромный зал мгновенно пустеет.

Мы остаемся совершенно одни. Я и Тимур. Мой бессменный начальник службы безопасности, моя верная тень и единственный человек во всем этом проклятом, насквозь гнилом городе, которому я могу доверить свою спину.

Тимур безмолвно, с неотвратимостью катка, выступает из густой тени у панорамного окна. Огромный, невероятно широкий в плечах мужчина в темном костюме. Его суровое лицо пересекает жуткий, уродливый шрам от виска до самого подбородка. Он – живое олицетворение грубой, первобытной силы и абсолютной безопасности моего клана. Он подходит ближе, останавливаясь на почтительном расстоянии, замерев в ожидании моих дальнейших распоряжений. В его льдистых глазах нет ни единого вопроса или сомнения, только стопроцентная готовность выполнить абсолютно любой мой приказ.

– Ты жестко блефовал, босс, – спокойно констатирует Тимур своим низким, рокочущим басом, который гулким эхом отражается от стеклянных стен. – У нас нет в запасе никакой невесты.

– Пока нет, – холодно поправляю я его, отворачиваясь от стола и подходя вплотную к окну.

Огромный мегаполис внизу кажется мне серым, грязным, суетливым муравейником, который сейчас безжалостно заливают ледяным осенним ливнем. Где-то там, среди миллионов ничего не значащих судеб и этих бетонных джунглей, прямо сейчас ходит идеальное решение моей проблемы.

Моя будущая, полностью подконтрольная фиктивная жена.

– Слушай меня очень внимательно, Тимур, – мой тон становится сухим, деловым и безэмоциональным. словно я заказываю крупную партию оружия из-за рубежа, а не выбираю себе спутницу жизни на ближайший год. – Мне срочно нужна кандидатка. Идеальная во всех отношениях.

– Понял. Какие конкретно параметры ищем? – Тимур достает защищенный телефон, готовый немедленно передать инструкции нашим лучшим аналитикам.

– С абсолютно чистой, безупречной репутацией, – чеканю я, глядя на размытые дождем огни машин внизу. – Чтобы ни один пронырливый журналюга Завьялова не смог подкопаться к ее прошлому. Никаких бывших эскортниц, никаких скандальных инстаграм-блогерш, никаких избалованных дочек министров или бизнесменов. Она должна быть чистым листом для прессы.

– Сделаем. Что по возрасту и связям? – кивает безопасник.

– Возраст от восемнадцати до двадцати пяти, – продолжаю я выстраивать жесткие рамки. – Но самое главное условие – у нее категорически не должно быть никаких влиятельных род-

ственников. Никакого крепкого тыла. Никаких сильных покровителей. Никого, кто мог бы прийти ко мне и начать задавать лишние вопросы или качать свои права.

Я снова прикасаюсь к прохладной поверхности своей печатки. Мой расчетливый мозг выстраивает безупречную, многоуровневую схему тотального контроля. Мне не нужен равноправный партнер в этом браке. Мне нужна полностью зависимая, безвольная пешка.

– Она должна быть в самом отчаянном, безвыходном положении, Тимур, – мой голос понижается до опасного, вибрирующего шепота, в котором звучит приговор. – Огромные, неподъемные долги, угроза ее собственной жизни, тяжело больные родственники, кредиторы у дверей – мне абсолютно плевать, что именно это будет. Главное, чтобы она была намертво загнана в угол.

Состояние абсолютной безысходности.

– Найди мне ту, которая за мои деньги не глядя подпишет жесткий брачный контракт на один год и продаст свою личную свободу без лишних слез и истерик, – жестко диктую я условия. – Такую, для которой мой тотальный, круглосуточный контроль покажется спасением от ее собственных неразрешимых проблем. Она должна подчиняться мне беспрекословно. Выполнит свою отведенную роль, будет красиво улыбаться на камеры, сыграет в любовь, а через год получит щедрые отступные и исчезнет из моей жизни навсегда.

Тимур быстро набирает текст сообщения. Его лицо остается непроницаемым маской.

– Жесткие рамки, босс. Сроки поиска? – коротко спрашивает он, поднимая на меня взгляд.

– Времени нет. До конца этой недели полное досье на подходящую кандидатку должно лежать у меня на этом столе, – отрезаю я, вглядываясь в тяжелые, свинцовые тучи над мрачной Москвой. – Задействуй все наши каналы. Подними базы данных. Время пришло. Поднимай досье старшей дочери Скворцова. Завьялов думает, что загнал ее в угол, но мы заберем ее сегодня вечером. Подготовь брачный контракт

Смутное отражение моего собственного лица в мокром, холодном стекле на мгновение кажется мне лицом совершенно незнакомого человека. В этих темных глазах нет ни единой капли жалости к той неизвестной, безымянной девушке, чью обычную жизнь я собираюсь жестоко перечеркнуть, сломать и переписать исключительно под свои нужды. Это просто бизнес. Очередная, вынужденная сделка на моем кровавом пути к абсолютному удержанию власти. Я смету Артура Завьялова и уничтожу любого, кто посмеет встать на моем пути. И эта отчаявшаяся, безымянная невеста станет моим главным, безупречным оружием в этой корпоративной войне.

Никаких чувств. Только холодный расчет и победа.

– Сделаю, Руслан, – глухо басит Тимур за моей спиной, разворачиваясь и тяжелым шагом направляясь к выходу из переговорной. – Мы перероем весь город. Мы найдем идеальную кандидатуру. Ту, которой будет совершенно некуда бежать.

– Убедись в этом лично, – бросаю я ему вслед ледяным тоном, не отрывая взгляда от окна. – Ибо если эта девчонка попытается выкинуть какой-нибудь фокус или нарушить условия контракта, я уничтожу ее быстрее и безжалостнее, чем это сделают ее враги.

Глава 4

Тяжелая дверь внедорожника захлопывается с глухим, окончательным звуком, отсекая яростный шум ливня и завывание ветра. В салоне мгновенно воцаряется пугающая, стерильная тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым, хриплым дыханием. Я вжимаюсь в дорожную кожу сиденья, чувствуя, как ледяная влага с моего промокшего свитера медленно просачивается сквозь одежду, обжигая кожу холодом. Капли дождя срываются с кончиков моих волос, падая на колени, но я не смею пошевелиться, парализованная присутствием человека рядом.

Я в ловушке.

Замкнутое пространство машины пропитано его аурой — тяжелым, подавляющим запахом дорогого табака, сандала и чего-то еще, необъяснимо опасного. Руслан Волков сидит в паре десятков сантиметров от меня, вальяжно откинувшись на спинку. Его присутствие ощущается как физическое давление, вытесняющее кислород из моих легких. Я вижу его профиль, освещенный лишь тусклым светом приборной панели — идеальный, хищный, застывший в ледяном безразличии. Он даже не смотрит в мою сторону, словно я — лишь досадная помеха в его безупречном мире.

– Ты дрожишь, Сковорода. Это страх или просто холод? – его голос звучит низко, с едва уловимой издевкой.

– Какая тебе разница? – выплевываю я, стараясь, чтобы мой голос не сорвался на жалкий писк. – Зачем ты притащил меня сюда? Тебе мало того, что ты уже разрушил?

Машина плавно трогается с места, бесшумно скользит по мокрым улицам вечерней Москвы. Город за окном превращается в размытый калейдоскоп неоновых огней и серых теней, но для меня сейчас существует только этот салон. Тимур, сидящий на переднем сиденье, молча протягивает руку назад, передавая Руслану тонкий планшет. Волков принимает его коротким, властным движением. Синеватый свет экрана падает на его лицо, делая его похожим на мраморную статую какого-то древнего, жестокого божества.

Он изучает меня.

Не вживую, а через холодные пиксели на экране, где вся моя жизнь спрессована в несколько файлов. Я вижу краем глаза свою фотографию — годовой давности, где я еще улыбаюсь, не зная, какой ад ждет меня впереди. Руслан медленно листает страницы, и я чувствую себя так, словно он раздевает меня взглядом, выставляя на обозрение все мои тайны и слабости. Каждое движение его пальца по стеклу отзывается во мне болезненным спазмом.

– Алиса Сковорода. Двадцать лет. Студентка-отличница, – он читает сухие факты вслух, и в его устах они звучат как приговор. – Отец — банкрот, скончался от сердечного приступа ровно месяц назад. На руках десятилетняя сестра с пороком сердца. Долг клинике за три месяца — астрономический. И самое интересное... все твои счета и обязательства теперь находятся у Артура Завьялова.

– Откуда ты это знаешь? – я замираю, и внутри всё обрывается.

– Я знаю о тебе всё, Алиса. Даже то, какой кофе ты пьешь по утрам, когда у тебя есть на него деньги, – он наконец поворачивает голову ко мне, и его глаза, темные и непроницаемые, впииваются в мои. – Завьялов не собирается лечить твою сестру. Он ждет, когда ты приползешь к нему сама, чтобы забрать последнее, что у тебя осталось — тебя саму.

Тошнота, липкая и горькая, подступает к горлу. Я знала, что Завьялов — мразь, но слышать это от Волкова, который ничем не лучше, — невыносимо. Осознание собственной беспомощности обрушивается на меня лавиной, погребая под собой остатки гордости. Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впииваются в ладони, причиняя тупую боль, которая помогает мне не разрыдаться прямо здесь, на глазах у этого монстра.

– И что теперь? – шепчу я, глядя в окно на пролетающие мимо огни. – Ты приехал посмеяться над моим положением?

– Напротив, – Руслан снова обращается к планшету, его пальцы быстро танцуют по экрану. – Я приехал сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться, если хочешь, чтобы Соня дожила до утра. Тимур, подтверди транзакцию.

– Готово, Руслан Викторович, – раздается глухой бас начальника СБ.

Волков захлопывает крышку планшета и откладывает его в сторону. В его движениях сквозит абсолютная, непоколебимая уверенность хищника, который точно знает, что добыча уже в капкане. Я чувствую, как в салоне меняется атмосфера, становясь еще более тяжелой и наэлектризованной. Руслан подается немного вперед, сокращая расстояние между нами, и я невольно вжимаюсь в дверь, стараясь не вдыхать его дурманящий запах.

– Пять минут назад я выкупил все твои финансовые обязательства у банков и частных лиц, – говорит он, чеканя каждое слово. – Включая те, что удерживал Завьялов. Теперь ты не должна ему ни копейки. Теперь ты должна мне.

Мой мозг отказывается воспринимать эту информацию. Я смотрю на него, пытаюсь найти в его чертах хоть тень шутки, но его лицо остается каменным. Руслан Волков купил меня. Буквально. Как вещь, как партию товара или пакет акций. Ярость вспыхивает во мне, смешиваясь с леденящим ужасом от осознания того, какую цену он потребует за эту «услугу».

– Зачем тебе это? – я почти кричу, и мой голос дрожит от гнева. – Ты же ненавидишь моего отца! Ты уничтожил его бизнес! Зачем тебе я?

– Ты — ключ к моему наследству, Алиса, – он произносит это так буднично, словно обсуждает погоду. – По завещанию отца я должен жениться в течение месяца. И ты — идеальная кандидатура. Чистая репутация, никакой поддержки, и полная зависимость от моей доброй воли.

– Я никогда не стану твоей женой! – я чувствую, как слезы отчаяния жгут глаза.

– Станешь, – отрезает он, и в его голосе звучит металл. – Иначе завтра утром твоя сестра окажется на улице. Я аннулирую все переводы, и клиника отключит аппараты. Выбирай: твоя свобода или ее жизнь. У тебя есть ровно десять секунд.

Вспышка воспоминания пронзает мой разум: я вижу Соню в больничной палате, под дождем, маленькую и беззащитную. Я вспоминаю, как Руслан смотрел на меня через стекло внедорожника, когда я стояла под ливнем — в тот момент его взгляд на мгновение показался мне почти человеческим, полным странного, неуместного тепла. Но сейчас передо мной снова ледяной монстр, просчитывающий каждый ход в своей дьявольской игре.

Я чувствую себя загнанным зверем.

Руслан достает из внутреннего кармана пиджака плотную кожаную папку и вынимает из нее несколько листов бумаги. Это брачный контракт. Он протягивает мне тяжелую, металлическую ручку, и ее холод мгновенно передается моим пальцам. Я смотрю на ровные строки юридического текста, которые кажутся мне колючей проволокой, готовой затянуться на моей шее.

– Пожалуйста... – шепчу я, поднимая на него полные слез глаза. – Должен быть другой путь. Я отработаю. Я буду делать всё, что скажешь, только не это...

– Подписывай, Алиса. Время идет, – он непреклонен. Его взгляд прикован к моим губам, и в глубине его зрачков вспыхивает темное, пугающее пламя.

Моя рука дрожит так сильно, что я едва могу удержать ручку. Я ненавижу его. Ненавижу этот город, эти деньги и свою слабость. Но перед глазами стоит бледное лицо Сони. Если я не сделаю этого, она умрет. И эта мысль оказывается сильнее моей гордости, сильнее страха перед этим человеком.

Я ставлю подпись.

Скрежет пера по бумаге звучит для меня как выстрел. Всё кончено. Я только что продала свою жизнь, свою душу и свое тело человеку, которого должна презирать больше всех на свете. Руслан молча забирает контракт, его пальцы на мгновение касаются моих — этот контакт ощущается как удар током, заставляя меня вздрогнуть. Он аккуратно убирает документы в папку и прячет её во внутренний карман пиджака, прямо у сердца.

– Разумный выбор, – его голос звучит теперь мягче, но в нем слышится торжество победителя.

Он достает рацию и нажимает кнопку вызова. Его лицо снова становится жестким и сосредоточенным, переключаясь на рабочие вопросы.

– Тимур, слушай приказ, – говорит он, глядя прямо перед собой. – Немедленно выставить круглосуточную охрану у палаты Сони Скворцовой. Двое внутри, двое на входе в отделение. Никого не впускать без моего личного распоряжения. Особенно людей Завьялова. Если хоть один волос упадет с её головы — ответишь лично.

– Принято, босс. Охрана будет на месте через пятнадцать минут, – коротко отвечает Тимур.

Я закрываю глаза, и первая горячая слеза скатывается по моей щеке. Соня в безопасности. Это единственное, что сейчас имеет значение. Но какой ценой? Я чувствую, как Руслан продолжает смотреть на меня в полумраке салона, и этот взгляд обжигает сильнее, чем ледяной дождь снаружи. Я теперь его собственность. Его законная жена. Его пешка в игре, правил которой я не знаю.

Глава 5

Лифт не просто едет — он взлетает, превращая пространство вокруг меня в стремительно сужающийся вакуум. Мои уши закладывает от чудовищного перепада давления, а в голове начинается неприятный, пульсирующий звон, заглушающий даже шум работающих механизмов. Кажется, пол уходит прямо из-под ног, оставляя меня висеть в этой стальной коробке без какой-либо опоры. Желудок делает судорожный кувырок, и я невольно хватаюсь за поручень, чувствуя, как ладони моментально становятся влажными.

Меня тошнит.

Это не просто высота. Это физическая реакция на человека, который стоит за моей спиной, заполняя собой всё пространство этой тесной кабины. Я вижу наше отражение в идеально отполированной зеркальной стене лифта и замираю, боясь даже лишний раз моргнуть. Контраст между нами настолько вопиющий, что он кажется почти карикатурным, жестоким и абсолютно неправильным.

Я выгляжу как жалкая тень.

Мои дешевые, насквозь промокшие тканевые кеды оставляют на ворсистом ковре кабины грязные, уродливые пятна. Растянутый свитер висит на моих плечах тяжелым, холодным комом, пропитавшимся дождем и безнадеей. Мокрые волосы прилипли к бледным щекам, а глаза на осунувшемся лице кажутся неестественно огромными и темными от затаившегося в них ужаса.

А рядом — он.

Руслан Волков выглядит так, словно только что сошел с обложки журнала о роскошной жизни, в которой нет места боли и смерти. Его пальто из безупречной черной шерсти сидит на нем идеально, подчеркивая мощный разворот плеч и хищную грацию движений. Он пугающе спокоен, его лицо — непроницаемая маска, в которой читается лишь холодное превосходство и абсолютная власть над миром.

Он стоит слишком близко.

Я чувствую жар, исходящий от его тела, даже сквозь слои моей мокрой одежды. Этот жар не согревает — он обжигает, заставляя кожу зудеть от странного, пугающего электричества. Его присутствие подавляет, высасывает из меня остатки воли, превращая в безвольную куклу, которую он только что купил.

– Перестань так дышать, Алиса, – раздается его голос прямо над моим ухом. – Ты не на эшафоте.

– Для меня это одно и то же, – шепчу я, не узнавая собственный надломленный голос.

Лифт замирает с едва слышным шипением, оповещая о прибытии на сотый этаж. Двери бесшумно разъезжаются в стороны, открывая вид на пентхаус, который больше похож на футуристическую крепость, чем на жилое пространство. Мое первое впечатление — это холод. Здесь повсюду серый, грубо обработанный камень, темное дерево и ослепительно прозрачное стекло, за которым раскинулась ночная Москва.

Город внизу кажется игрушечным, ненастоящим.

Огни Садового кольца сливаются в тонкие светящиеся нити, а высотки Сити выглядят отсюда как маленькие кубики, забытые кем-то на ковре. Масштаб пространства кружит голову, вызывая новый приступ тошноты и острое чувство клаустрофобии на открытом пространстве. Я делаю осторожный шаг вперед по холодному мрамору, чувствуя себя заложницей в этой роскошной, высокотехнологичной тюрьме, где каждый мой вздох будет под контролем.

Здесь пахнет озоном и дорогим мужским парфюмом.

В глубине просторного холла внезапно появляется женщина. Она одета в безупречно отутюженную серую униформу, ее волосы собраны в тугую, волосок к волоску, пучок, а на лице

не отражается ни единой человеческой эмоцией. Она движется плавно и механически, словно робот с идеально отлаженной программой, и останавливается в трех шагах от нас, склонив голову в вежливом, но совершенно бездушном поклоне.

– Добрый вечер, Руслан Викторович. Всё готово по вашему распоряжению, – произносит она ровным, лишенным интонаций голосом.

– Подготовь гостевые комнаты в северном крыле и принеси вещи для моей жены, Елена, – бросает Руслан, даже не взглянув на нее. – Она должна переодеться немедленно.

– Слушаюсь. Вещи будут доставлены через пять минут.

Я чувствую, как внутри меня поднимается волна протеста, горькая и обжигающая, как желчь. Это унижение кажется последней каплей в чаше моего терпения, которая и так уже переполнена до краев за этот бесконечный вечер. Я резко разворачиваюсь к нему, игнорируя холод и слабость в коленях, готовая кусаться и царапаться, лишь бы не чувствовать себя вещью, которую передают из рук в руки.

– Мне не нужны твои вещи! – выплевываю я слова ему в лицо. – Я не собираюсь принимать от тебя подачки и одеваться в то, что выберет твоя прислуга!

Руслан медленно, с какой-то ленивой, кошачьей грацией сокращает расстояние между нами, полностью игнорируя мои крики. Он вторгается в мое личное пространство так нагло и безапелляционно, что я вынуждена отступить, пока не упрусь спиной в холодную поверхность панорамного окна. Он нависает надо мной, блокируя любые пути к отступлению, и я чувствую, как его тяжелый взгляд буквально пригвозждает меня к месту.

Его глаза темнеют, становясь похожими на два бездонных колодца с ледяной водой.

– Послушай меня очень внимательно, Алиса, – его голос звучит низко, с отчетливыми вибрирующими нотками угрозы. – С того момента, как ты поставила свою подпись в контракте, ты перестала быть просто студенткой-нищенкой. Ты — лицо семьи Волков. Моя законная жена.

– Это просто бумага! – процедила сквозь зубы я, пытаюсь оттолкнуть его, но он даже не шевелится.

– Для внешнего мира это истина в последней инстанции, – он перехватывает мои запястья одной рукой, сжимая их достаточно крепко, чтобы я поняла — сопротивление бесполезно. – И моя жена не может выглядеть как оборванка, найденная в канаве под дождем. Ты наденешь то, что тебе дадут, и будешь носить это с достоинством, даже если внутри ты готова выть от ненависти.

Я задыхаюсь от его близости.

Его лицо находится всего в нескольких сантиметрах от моего, и я вижу каждую мелкую морщинку в уголках его глаз, каждую линию его жесткого, волевого рта. От него пахнет опасностью и абсолютной силой, которой невозможно противостоять. Мое тело предательски реагирует на этот напор: сердце начинает биться в бешеном, рваном ритме, а дыхание становится поверхностным и прерывистым.

Он медленно разжимает пальцы и отпускает мои руки.

Я чувствую, как кончики его пальцев почти невесомо, дразняще скользят по моему мокрому, озябшему плечу, направляясь к шее. Это движение настолько интимное и неожиданное, что меня прошибает мощным разрядом тока, от которого подкашиваются ноги. Кажется, само время замедляется, фиксируя этот момент: его горячая кожа против моей ледяной, мокрой ткани свитера.

Это невыносимо.

Руслан внезапно хмурится, замечая, как меня начинает колотить крупная, неуправляемая дрожь. В его взгляде на мгновение проскальзывает что-то странное — не то раздражение, не то тень какой-то другой, более сложной эмоции, которую я не успеваю распознать. Он резко отстраняется, обрывая этот странный контакт, и в холле снова становится физически холодно без его пугающего жара.

– Ты синяя от холода, – сухо констатирует он, отворачиваясь.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь, но зубы начинают мелко стучать друг о друга. Я чувствую себя жалкой и раздавленной, лишенной всякой защиты перед этим человеком и этим миром, в который он меня втянул.

– Иди в душ, Алиса. Вторая дверь направо по коридору. Там уже всё подготовлено.

– Куда пойдешь ты? – спрашиваю я, боясь остаться одна в этом огромном, мертвом пространстве.

– У меня есть дела, – он достает из кармана телефон, и его лицо снова превращается в деловую маску. – Я должен изучить последние медицинские отчеты по твоей сестре. Израильские врачи прислали новые данные.

Упоминание Сони действует на меня как ушат ледяной воды.

Вся моя спесь, вся моя гордость и напускная смелость мгновенно испаряются, оставляя лишь голую, звенящую тревогу за единственного близкого человека. Я вспоминаю писк кардиомонитора и бледное лицо сестры, и это осознание придает мне сил двигаться дальше, подчиняться его правилам, какими бы мерзкими они мне ни казались.

– С ней всё будет хорошо? – мой голос звучит как мольба.

Руслан останавливается в дверях кабинета и бросает на меня короткий, тяжелый взгляд через плечо. В этом взгляде нет сочувствия, но есть нечто более надежное — ледяная уверенность человека, который привык получать то, за что он заплатил огромную цену.

– Я не бросаю слова на ветер, Алиса. Она получит лучшее лечение в мире. А ты — иди в душ. Через час мы будем ужинать. И я жду, что ты будешь выглядеть как Волкова.

Он заходит в кабинет, и тяжелая дубовая дверь закрывается за ним с тихим, окончательным щелчком. Я остаюсь стоять посреди огромного, холодного холла, глядя на панораму ночного города, который теперь кажется мне не местом возможностей, а огромным кладбищем моих надежд.

Я должна выжить. Любой ценой.

Глава 6

Пар в ванной комнате настолько густой, что я едва вижу собственное отражение в огромном зеркале, обрамленном холодным матовым металлом. Я выхожу из душевой кабины, чувствуя, как капли горячей воды все еще стекают по моим позвонкам, оставляя за собой дорожки мимолетного тепла. Мое тело кажется чужим, словно я — лишь сторонний наблюдатель в этом спектакле абсурда и жестокости. Я медленно натягиваю на себя шелковый халат, оставленный на мраморной столешнице. Ткань цвета мокрого асфальта струится по коже, пугающе нежная, почти невесомая, но для меня она тяжелее любых стальных цепей. Этот шелк стоит больше, чем моя квартира, больше, чем всё, что у меня осталось от прежней жизни.

Я — товар.

Дорогой, упакованный в глянец лот на аукционе тщеславия Руслана Волкова. Мои пальцы дрожат, когда я затягиваю пояс, чувствуя себя абсолютно голой под этой предательской тканью. Я смотрю на свое бледное лицо, на темные круги под глазами, которые не может скрыть даже этот роскошный свет. В голове набатом бьет одна и та же мысль: я продала себя дьяволу, чтобы спасти ангела. Соня сейчас спит, защищенная его деньгами и его наемниками, а я... я должна платить по счетам. Я глубоко вдыхаю влажный воздух, пытаюсь унять панику, которая липкими щупальцами сжимает мое горло, мешая сделать полноценный вдох.

Я толкаю тяжелую дверь и выхожу в спальню.

В комнате царит полумрак, разбавленный лишь холодным сиянием ночной Москвы, проникающим сквозь панорамные окна. Руслан сидит в глубоком кресле у изножья огромной кровати, и его силуэт кажется высеченным из гранита. Он снял пиджак, отбросив его на спинку дивана, и расстегнул верхние пуговицы своей белоснежной рубашки, закатав рукава до локтей. В этом неформальном виде он выглядит еще более пугающим, чем в строгом костюме. Я вижу его мощные предплечья, покрытые едва заметными шрамами, и его расслабленную, хищную позу, которая кричит об абсолютном превосходстве. Он не смотрит на меня, его взгляд устремлен в темноту за окном.

– Ты закончила? – его голос, низкий и вибрирующий, разрезает тишину комнаты.

– Да, – мой голос звучит надломленно, едва слышно.

Я замираю посреди комнаты, не зная, куда деть руки. Руслан медленно поворачивает голову, и его ледяные глаза сканируют меня, заставляя кожу покрыться мурашками. Он смотрит так, словно оценивает качество приобретенного имущества, подмечая каждую деталь моей слабости и моего страха. Я физически ощущаю этот взгляд — он обжигает, заставляя сердце биться в сумасшедшем, рваном ритме. В этом человеке нет тепла, только расчет и воля, подавляющая всё живое вокруг. Он встает с кресла, и его тень накрывает меня, заставляя инстинктивно сделать шаг назад, пока я не упрусь пятками в мягкий ворс ковра.

Он делает шаг ко мне.

– Подойди, Алиса. Я не кусаюсь, если мне не дают повода, – в его словах скользит опасная насмешка.

Я подчиняюсь, потому что у меня нет выбора. Каждый мой шаг кажется движением по минному полю, где одно неверное слово может привести к взрыву. Руслан берет с кровати планшет и протягивает его мне, его пальцы на мгновение касаются моих, и я вздрагиваю от этого электрического разряда. Он указывает на экран, где открыт наш контракт, подсвеченный холодным голубым светом. Мои глаза бегают по строчкам, пока я не наткнулась на пункт, который заставляет мое сердце замереть, а затем пуститься вскачь от чистого, незамутненного ужаса.

Пункт 4.2. Общая спальня.

– Что это значит? – я вскидываю голову, глядя ему прямо в глаза, забыв о страхе. – В наших договоренностях не было ни слова о том, что я должна... что мы будем делить одну постель!

– Читай внимательнее, Скворцова, – он чеканит слова, и в его голосе появляется металлическая жесткость. – Там написано: «для убедительности перед персоналом и службой безопасности супруги обязаны делить одну спальню». Мой дом — это не просто крепость, это осиное гнездо. Половина моих людей докладывают Завьялову или моим конкурентам. Любая трещина в нашей легенде — это конец игры. Если поползут слухи, что глава клана спит отдельно от своей молодой жены, контракт будет аннулирован в ту же секунду.

– Ты издеваешься надо мной? – я чувствую, как слезы ярости и бессилия жгут глаза. – Ты купил меня, но это не значит, что ты имеешь право на... на это!

Руслан делает еще один шаг, сокращая расстояние между нами до минимума. Он наклоняется к моему лицу, и его горячее дыхание щекочет мою кожу, вызывая противный, предательский трепет внизу живота. Его глаза сужаются, превращаясь в две щелки, за которыми пылает темный, неконтролируемый огонь. Он не касается меня руками, но я чувствую себя прижатой к стене всей мощью его воли.

– Мне не нужно твое тело, Алиса. По крайней мере, не таким способом, – он произносит это так тихо, что я едва разбираю слова. – Но мне нужна абсолютная правдоподобность. Ты хочешь, чтобы Соня завтра вернулась в ту палату, где Завьялов выдернет вилку из розетки? Или ты хочешь, чтобы она поехала в Израиль на операцию?

Его слова бьют под дых.

– Ты чудовище, – шепчу я, чувствуя, как последняя надежда на сопротивление умирает.

– Я — твоя единственная страховка от смерти, – он выпрямляется, и его лицо снова становится непроницаемой маской. – Ложись. У меня нет времени на твои истерики. Мне нужно работать.

Он указывает на правую сторону огромной, необъятной кровати, застеленной черным шелковым бельем. Я стою неподвижно еще несколько секунд, пытаюсь осознать глубину своего падения. Затем, словно в тумане, я подхожу к кровати и ложусь, натягивая одеяло до самого подбородка. Я прижимаюсь к самому краю, стараясь занять как можно меньше места, превращаясь в тугой, дрожащий комок. Кровать кажется ледяной, несмотря на дорогую ткань, а тишина в спальне становится оглушительной.

Я слышу, как он двигается.

Руслан обходит кровать и ложится на другую сторону. Между нами — целая пропасть из шелка, ненависти и невысказанных слов, но я всё равно чувствую его присутствие каждой клеточкой своего тела. Он не касается меня, даже не смотрит в мою сторону, но воздух в комнате наэлектризован так, что кажется, будто от любого движения могут полететь искры. Я закрываю глаза, пытаюсь представить, что я где-то далеко, в безопасности, но ритмичный звук его дыхания возвращает меня в реальность.

Моя новая жизнь началась.

Внезапно тишину разрывает резкая вибрация телефона. Я вздрагиваю, едва не вскрикнув от неожиданности. Руслан протягивает руку и берет аппарат с тумбочки. Свет экрана на мгновение выхватывает его жесткий профиль и сжатые челюсти. Он отвечает не сразу, словно взвешивая каждое слово еще до того, как оно будет произнесено. Когда он заговаривает, его голос становится ледяным, лишенным каких-либо человеческих эмоций, и этот тон пугает меня больше, чем его открытая ярость.

– Слушаю, – коротко бросает он в трубку.

Пауза затягивается. Я замираю, боясь даже дышать, и вслушиваюсь в тихий, неразборчивый шепот на другом конце провода. Мне кажется, я слышу панику в голосе звонящего, какой-то сбивчивый, захлебывающийся отчет. Лицо Руслана меняется, становясь пугающе спокой-

ным — это спокойствие хищника перед решающим броском. Его пальцы сжимают телефон с такой силой, что я слышу едва заметный хруст корпуса.

– Что значит — документы отца пропали из архива? – его голос звучит как удар хлыста. – Вы клялись, что сейф вскрыт и всё под контролем.

Я перестаю дышать. Документы отца? Какие документы? Мой отец был разоренным бизнесменом, который погиб, оставив после себя только долги и руины. О чем говорит Волков? Внутри меня просыпается холодное, липкое подозрение. Неужели смерть моего отца не была случайностью? Неужели за его гибелью стоит не только банкротство, но и какая-то тайна, о которой я даже не догадывалась?

– Ищите, – Руслан цедит слова сквозь зубы. – Если Завьялов доберется до них первым, вы все трупы. Мне не нужны оправдания, мне нужны папки. Выверните город наизнанку, но найдите их.

Он отбрасывает телефон и надолго замолкает. Я чувствую, как от него исходит волна ярости, плотная и почти осязаемая. Он знает что-то, чего не знаю я. Что-то важное, связанное с моим отцом. В этой войне за власть и деньги я — не просто пешка, я — часть какого-то пазла, который Волков пытается собрать.

Я в самом центре ада.

– Ты знала? – его голос звучит внезапно, заставляя меня вздрогнуть. – О чем твой отец договаривался с Завьяловым перед смертью?

– Я... я ничего не знаю, – я поворачиваюсь к нему, забыв о своей осторожности. – Он никогда не говорил мне о делах. Я думала, это просто долги.

Руслан поворачивает голову и смотрит на меня в темноте. В его взгляде теперь нет издевки, только холодный, аналитический расчет. Он изучает мое лицо, словно пытается найти в нем ответ на свои вопросы или признаки лжи. Я смотрю на него в ответ, и в эту секунду я понимаю: моя жизнь висит на еще более тонком волоске, чем я думала. Я теперь не только его фиктивная жена, я — свидетель или соучастник игры, о которой не имею ни малейшего представления.

– Спи, Алиса, – говорит он, отворачиваясь к окну. – Завтра твоя жизнь станет еще сложнее.

Я закрываю глаза, но сон не приходит. В ушах всё еще звучит его ледяной голос, а в голове крутятся вопросы, на которые нет ответов. Что искал мой отец? И что теперь ищет Руслан Волков? Я лежу на краю этой огромной кровати, чувствуя, как темнота комнаты сжимается вокруг меня, превращаясь в густой, непроницаемый кокон из тайн и опасностей. Я теперь часть его мира, и этот мир не собирается отпускать меня живой.

Глава 7

Последний взмах пушистой кисти оставляет на моей скуле едва уловимое сияние, и армия стилистов, наконец, отступает в тень огромной гардеробной. Они работали надо мной три часа, словно реставраторы над разбитой вазой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.